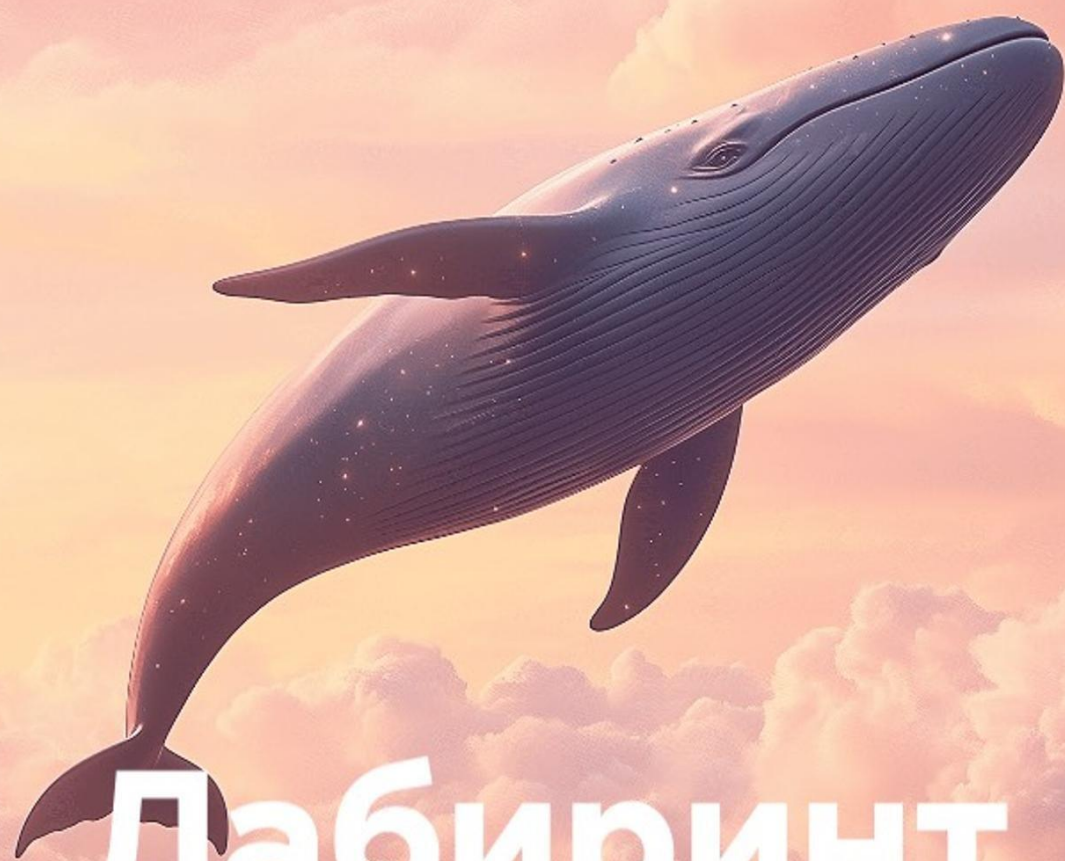

Дмитрий Архипов

Лабиринт глухого эха

18+

Дмитрий Архипов

Лабиринт глухого эха

«Автор»

2026

Архипов Д.

Лабиринт глухого эха / Д. Архипов — «Автор», 2026

Алиса Вертинская — бывший профайлер, уволенная за «излишнюю глубину погружения» в сознание преступников. Она чувствует ложь как запах, а страх — как шум в ушах. Её единственная тишина — это любимая подруга Ева, музыкальный терапевт, которая слышит цвета и пробует звуки на вкус. Но тишина рушится, когда в заброшенном клубе находят тело звукорежиссёра. Рядом с трупом — виниловый проигрыватель. На пластинке записан не музыка, а предсмертный шёпот жертвы, наложенный на ритм метронома. Вскрытие показывает: сердце остановилось за две минуты до конца трека. Алиса берётся за расследование и попадает в лабиринт, где звук убивает, тишина лжёт, а за каждым шёпотом стоит тот, кто пишет симфонии из чужих смертей. Ей предстоит не только найти убийцу, но и услышать то, что скрыто между нотами. Потому что в этом деле молчание — не золото. Молчание — оружие. Детектив, в котором инфразвук — не научная фантастика, а реальность, которую мы просто не умеем слушать.

© Архипов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Архипов

Лабиринт глухого эха

Глава

Дмитрий Архипов

Лабиринт глухого эха

Новосибирск 2026

От автора: как я услышал тишину

Девять лет назад я наткнулся на статью, которая перевернула моё представление о реальности. В ней говорилось об экспериментах с инфразвуком — низкими частотами, которые человеческое ухо не воспринимает, но тело чувствует. Частота семь герц. Частота страха. Частота, совпадающая с ритмом сердечной мышцы и способная — при определённых условиях — заставить сердце биться неправильно. Или остановиться вовсе.

Я подумал тогда: а что, если это можно использовать как оружие? Не в военном смысле — об этом уже писали, — а в смысле убийства. Тихого, незаметного, идеального. Убийства, которое выглядит как естественная смерть. Убийства, где орудие — звук.

Так родился замысел.

Я начал копать. Оказалось, что эксперименты с инфразвуком действительно проводились — и в СССР, и в США, и в других странах. Где-то это были попытки создать нелетальное оружие для разгона демонстраций. Где-то — секретные программы по изучению воздействия низких частот на психику. Многие документы до сих пор засекречены. Но то, что удалось найти, поражало воображение и леденило кровь одновременно.

Я стал записывать идеи. Сначала разрозненные: образ сыщика, который «слышит» ложь; жертва, умершая от музыки; пластинка, которая убивает. Потом появилась Алиса Вертинская — бывший профайлер с гиперэмпатией, женщина, которая чувствует чужую боль как свою и потому прячется за бронёй сарказма. Потом — Ева, её лучшая подруга, музыкальный терапевт, которая слышит цвета и пробует звуки на язык. Потом — Егор, бывший Ноль, немой парень, научившийся говорить благодаря любви. Потом — Либреттист, антагонист, который пишет симфонии из чужих смертей.

Пять томов. Пять лет работы. Десятки часов изучения материалов по акустике, нейробиологии, психологии восприятия. Я консультировался с врачами, звукоинженерами, даже с одним бывшим военным акустиком, который рассказал мне то, чего нет в открытых источниках. Я хотел, чтобы книга была не просто захватывающей, но и достоверной. Чтобы читатель, закрыв последнюю страницу, задумался: а вдруг это правда? Вдруг мир действительно слышит нас? Вдруг тишина — не пустота, а пространство, наполненное голосами, которые мы просто не умеем слушать?

Этот роман писался трудно. Были периоды, когда я откладывал его на месяцы. Были моменты, когда я хотел всё бросить. Но что-то возвращало меня обратно. Может быть, голос Алисы. Может быть, тишина Евы. Может быть, осознание того, что эта история должна быть рассказана.

И вот он готов.

«Лабиринт немого эха» — это не просто детектив. Это попытка заглянуть в природу звука и тишины. В природу страха и любви. В природу человека, который способен как на величайшее сострадание, так и на чудовищное зло. Это роман о том, что мы живём в мире, который нас слышит, видит и — да — понимает. Каждое наше слово, каждый вздох, каждый удар сердца оставляет след. Важно лишь научиться слушать.

Я надеюсь, что эта книга найдёт своего читателя. Того, кто не боится тишины. Того, кто готов услышать.

Спасибо, что были со мной на этом пути.

Глава 1. Пластинка

Санкт-Петербург, ноябрь. Колодезный двор на Петроградке. Время — половина первого ночи.

Дождь колотил по ржавым козырькам так, будто кто-то пытался достучаться до мёртвых. Алиса Вертинская стояла под единственным работающим фонарём, курила и смотрела на провал в асфальте — вход в бомбоубежище, замаскированный под решётку ливнёвки.

Она не хотела брать этот звонок. Вообще-то она хотела лежать в ванне с книгой Фрая и делать вид, что не существует людей, которые звонят в час ночи. Но звонил Князев.

— Вертинская, тут твой профиль, — сказал он без предисловий. Голос у Князева был такой, будто он жуёт стекло. — У нас труп в «Лабиринте». И там... Слушай, я не знаю, как это описать. Там пластинка.

— У меня музыкального образования нет, — ответила она.

— А у меня чувства юмора. Приезжай.

И она приехала. Потому что Князев, начальник убойного отдела, никогда не звонил просто так. И никогда не говорил «я не знаю, как это описать».

— --

Внутри пахло подвалом, сырой штукатуркой и чем-то сладковатым — то ли ладаном, то ли старым воском. Коридор уходил вниз, лампы дневного света гудели, как предсмертный хор насекомых. Стены кто-то расписал граффити: лабиринты, спирали, глаза без век. Наверное, местные завсегдатаи называли это искусством. Алиса назвала бы это историей болезни.

Основной зал клуба был круглым — бывший командный пункт. По периметру стояли колонки, в центре — пустой танцпол с нарисованной мелом пентаграммой (для туристов, наверное), а в дальнем углу, за барной стойкой, — дверь в аппаратную. Именно оттуда Князев и махнул ей рукой.

Князев был большой, грузный, с лицом человека, который видел всё и даже больше. Но сейчас в его глазах читалось что-то новое. Растерянность? Нет. Скорее — брезгливое любопытство.

— Заходи. Только аккуратно, там эксперты ещё не всё зафиксировали.

— --

Аппаратная оказалась крошечной комнатой без окон. Стены обиты поролоном — звукоизоляция. Пульт, микшер, два монитора. И человек.

Он сидел в кресле звукорежиссёра, откинувшись назад, будто заснул за работой. На вид — лет тридцать пять. Худой, с длинными пальцами музыканта. На левом запястье — татуировка в виде звуковой волны. Одет в чёрную водолазку. Следов крови не было, следов борьбы — тоже. Казалось, он просто выключился, как лампочка.

Но перед ним, на пульте, стоял проигрыватель. Старый, виниловый, с ламповым усилителем — такие продают на блошиных рынках за бешеные деньги. Пластинка крутилась, игла была опущена. Звук не было — Князев, видимо, вырубил колонки.

— Знакомься, — сказал Князев. — Арсений Волохов, тридцать четыре года. Звукорежиссёр, совладелец этого склепа. Тело обнаружил бармен полчаса назад. Вызвал скорую, но те только развели руками. А потом приехали мы.

— Причина смерти? — Алиса подошла ближе, разглядывая лицо покойного. Оно было спокойным. Слишком спокойным. У смерти обычно другое выражение — страх, удивление, боль. Здесь — ничего. Пустота.

— А вот это самое интересное, — Князев почесал переносицу. — Эксперт говорит, что смерть наступила в результате остановки сердца. Но токсикология пока молчит. Никаких внешних повреждений. Парень просто взял и умер.

— Так бывает.

— Бывает, — согласился Князев. — Но не в таких случаях. — Он кивнул на проигрыватель. — Послушай.

Он нажал кнопку на микшере, и аппаратная наполнилась звуком.

Сначала шёл треск статики — обычный шум винила. Потом — тишина. Такая глубокая, что Алиса услышала, как бьётся собственное сердце. А потом заговорил голос.

— Я... не знаю, сколько у меня времени. Если вы это слушаете... значит, я уже...

Голос был мужской. Тихий, сдавленный, будто человек говорил в ладонь, боясь, что его услышат. Арсений Волохов?

— Метроном. Вы слышите? Это метроном. Он... он задаёт ритм. Когда он остановится...

Щелчок. И правда — на заднем плане бил метроном. Ровно, механически, бездушно.

— Я пытался его переписать. Но эта сволочь... он всё продумал. Он сказал: «Твоё сердце будет биться ровно столько, сколько длится этот трек. Ни секундой больше».

Голос сорвался на шёпот, почти всхлип.

— Я думал, это метафора. Это не метафора. Пожалуйста... найдите его. Он...

Трек оборвался. Игла зашуршала по пустой дорожке.

В аппаратной повисла тишина.

— --

Алиса стояла, не шевелясь. Она смотрела на проигрыватель, на замершую пластинку, на мёртвого человека в кресле. Мысли метались, как крысы в клетке.

Первое: голос на записи действительно принадлежал Волохову. Предварительно — да. Но нужна экспертиза.

Второе: если верить записи, кто-то предсказал ему смерть — и эта смерть синхронизирована с длительностью трека.

Третье: это невозможно. Нельзя остановить сердце человека дистанционно, просто «назначив» время. Это фокус. Мистификация. Театр.

Но четвёртое было самым паршивым: эксперт сказал, что смерть наступила на две минуты раньше, чем заканчивается трек.

— Ну? — Князев сложил руки на груди. — Что скажешь?

Алиса медленно повернулась к нему.

— Скажу, что трек записан не целиком. Это копия. Оригинал был длиннее, и в конце — момент смерти. Кто-то стёр финал, чтобы мы не услышали того, что там было на самом деле.

— Или чтобы мы не услышали убийцу, — тихо добавил Князев. — Который, возможно, говорит последние слова.

Алиса кивнула.

— И ещё кое-что. Он сказал: «я пытался его переписать». Значит, была оригинальная запись. И значит, кто-то знал, что он умрёт. Кто-то, кто сейчас слушает эту пластинку и улыбается.

Она повернулась к пульту и осторожно подняла иглу. На этикетке пластинки не было названия. Только надпись от руки, чёрным маркером:

«Лабиринт немого эха. Версия 7. Не стирать.»

— Князев, — Алиса достала из кармана диктофон, нажала запись. — Мне нужен список всех, кто был в клубе за последние сутки. И все, кто знал Волохова. Особенно те, кто имеет отношение к звукозаписи.

— Уже делаем, — Князев кивнул. — Но есть нюанс.

— Какой?

— Один из подозреваемых — глухонемая девушка. Некая Лика, танцовщица. Она была музой Волохова и, по словам бармена, единственная, кто слушал эту пластинку до сегодняшнего вечера.

Алиса медленно обернулась.

— Глухонемая... слушала пластинку?

— Бармен говорит, она чувствует вибрации. Танцует босиком. Говорит, «слышит ногами».

Вергинская прикрыла глаза. В висках запульсировало. Её дар — или проклятие — читать эмоции по лицам — здесь был бесполезен. Девушка, которая не говорит и не слышит, но чувствует музыку. Идеальный свидетель, который ничего не расскажет.

Или идеальный убийца.

Глава 2. Немая и метроном

Утро того же дня. Допросная комната отдела полиции. 07:42.

Лика сидела напротив Алисы. Девушка была похожа на сломанную балерину из музыкальной шкатулки — тонкая, с острыми ключицами, в растянутом свитере и босиком. Она сняла кеды у порога, хотя никто не просил. Сказала жестами: «я так чувствую пол».

Переводил сурдопереводчик из городского центра — пожилой мужчина с усталыми глазами по имени Роман. Алиса настояла, чтобы он был штатским, а не полицейским. Лика должна доверять тому, кто озвучивает её слова.

— Спросите её про пластинку, — попросила Алиса.

Роман перевёл. Лика смотрела в стол. Потом подняла руки. Движения были плавными, почти танцевальными. Будто она не говорила, а исполняла номер.

«Арсений дал мне послушать запись два дня назад. Я стояла босиком на полу, рядом с колонкой. Вибрация была странной. Сердце билось не в такт. Будто музыка спорила с пульсом. Мне стало плохо. Я попросила выключить.»

— Что было странного в вибрации? — спросила Алиса.

Девушка задумалась. Потом жесты стали резкими, рублеными:

«Там был ритм под ритмом. Как будто две записи наложили друг на друга. Одна — слышимая. Вторая — нет. Я сказала Арсению: „Там кто-то есть, внутри звука“. Он рассмеялся и назвал меня своей нимфой-эхолотом».

Алиса нахмурилась. Два слоя записи. Точно. Ей нужен доступ к аппаратуре.

— Спросите, знала ли она кого-то, кто желал Волохову зла.

Лика ответила не сразу. Она смотрела на свои ладони, будто читая по линиям. Потом подняла глаза и показала два жеста. Роман озвучил:

«Он сказал, что нашёл что-то страшное в старой записи и теперь боится. Сказал, что переписывает пластинку седьмой раз, чтобы скрыть то, что там было раньше. Я спросила: что там было? Он ответил: „Грех“».

— Грех? — переспросила Алиса. — Чей грех?

Лика пожала плечами. А потом добавила:

«Спросите у Топора».

— Кто такой Топор?

«Диджей. Они ненавидели друг друга».

— --

Глава 3. Версия 7

Позже. Криминалистическая лаборатория. 09:15.

Алиса стояла за спиной звукоинженера — молодого парня с никнеймом Спектр, которого выдернули из постели и привезли с аппаратурой. Перед ним был ноутбук, подключённый к проигрывателю. Пластинка оцифровывалась в реальном времени.

— Смотрите, — Спектр вывел на экран спектрограмму. — Вот это — видимый звук. Голос, шумы, метроном. А вот это...

Он увеличил нижнюю часть графика. Там, на грани слышимости, тянулась едва заметная дорожка. Частота ниже 20 герц. Инфразвук.

— Ультранизкая частота. Человеческое ухо её не воспринимает. Но тело — да. Это как стоять рядом с работающим двигателем. Сердце начинает подстраиваться под частоту. Если подобрать ритм и наложить поверх эмоциональный триггер...

— Можно убить? — перебила Алиса.

Спектр откинулся на стуле.

— Теоретически. Если у жертвы слабое сердце или если частота точно совпадает с резонансной частотой сердечной мышцы. Но для этого нужно точно знать пульс человека. И очень долго калибровать запись. Это не просто так. Это холодное, расчётливое убийство.

Алиса вспомнила татуировку Волохова — звуковую волну на запястье. Может, это не просто рисунок. Может, это была подсказка.

— А что насчёт «Версии 7»? — спросила она. — Почему именно семь?

Спектр вывел на экран список удалённых файлов, которые удалось восстановить с ноутбука Волохова, изъятого из аппаратной.

— Я нашёл в компе шесть предыдущих версий. Все удалены, но я поднял. И вот что странно: каждая версия была адресована разным людям. Как будто он отправлял их кому-то. Имена — в названиях файлов.

Он развернул список. Алиса прочла:

1. Версия 1 — «Топор»
2. Версия 2 — «Куратор»
3. Версия 3 — «Лица»
4. Версия 4 — «Тень»
5. Версия 5 — «Ноль»
6. Версия 6 — «Себе»
7. Версия 7 — «Не стирать»

— Шестая версия — «Себе», — медленно повторила Алиса. — Он оставил себе версию перед последней. Он что-то понял.

Она резко развернулась:

— Спектр, мне нужен текст всех версий. И особенно — различия между шестой и седьмой.

— Будет через час. Но есть ещё кое-что... — Спектр нажал пару клавиш и включил запись «Версии 6». Тот же голос Волохова, тот же метроном. Но в конце, перед обрывом, прозвучала одна фраза. Чёткая, хоть и приглушённая:

«Топор знает про военный госпиталь. Спросите, кого он лечил».

— --

Глава 4. Диджей с топором

Днём. Клуб «Лабиринт», пустой и тёмный. 13:00.

Топор оказался не таким, каким его представляла Алиса. Она ожидала здоровенного бритого амбала с руками-кувалдами. А пришёл сухой, жилистый мужчина лет сорока с седыми висками и взглядом, который не просто колот — вскрывал. Одет в камуфляжные штаны и чёрную футболку. На левом предплечье — шрам, похожий на след от осколка.

Он сел за барную стойку, сложил руки перед собой и посмотрел на Алису так, будто это он задаёт вопросы.

— Вы знаете, почему умер Волохов, — сказала она утвердительно.

— Догадываюсь, — ответил Топор. Голос низкий, спокойный, как у человека, который давно перестал бояться.

— Расскажите.

— А вы? Расскажите мне, что нашли на пластинке?

Алиса выдержала паузу.

— Инфразвук. Очень низкая частота, которая заставила сердце остановиться. И ваше имя — в списке тех, кому Волохов отправлял версии записи.

Топор усмехнулся. Но глаза остались холодными.

— Арсений прислал мне первую версию неделю назад. Думал, я оценю. Мы с ним конкурировали, да, но он всё равно считал меня профи. Звук был сырой. Но я сразу понял, что это не музыка. Это оружие.

— Оружие?

— Инфразвуковые излучатели, — Топор отпил воды из стакана. — Я служил в горячих точках. Потом — в военном госпитале. Санитаром. Видел ребят, которых выносили из-под воздействия. Человек не может долго находиться под инфразвуком. Теряет ориентацию, потом сознание, потом сердце. Арсений это знал. Он специально искал ту самую частоту. Зачем — я не спрашивал. А потом он прислал «Версию б» и сказал: «Я понял, кого убивает эта запись».

— Кого?

— Себя, — Топор посмотрел Алисе прямо в глаза. — Он сказал, что каждое прослушивание влияет на того, кто запись делает. И тот, кто заказал ему эту пластинку, знал это.

— Кто заказал?

— Тот, кого он называл Куратором. Старый друг. Бывший врач. Они вместе начинали этот клуб.

Алиса почувствовала, как холодеют пальцы. Куратор. Врач. Человек, который точно знает, как устроено сердце.

— --

Глава 5. Флешбек Волохова

Шесть дней назад. Мастерская звукозаписи. Ночь.

Арсений Волохов сидел перед монитором, запустив руки в волосы. Перед ним лежал конверт из крафтовой бумаги — старый, потёртый. Внутри — аудиокассета с надписью «Госпиталь № 7. Экспериментальная терапия. 2014 г.».

Он нашёл её случайно. Разбирал хлам в подвале клуба и наткнулся на коробку с катушками и старыми носителями. Хотел выбросить, но что-то остановило. Может, профессиональное любопытство. Может, судьба.

Он включил запись.

Сначала шёл шум — больничный фон. Где-то далеко разговаривали санитары. Потом — шаги. И голос:

«Объект номер семь. Частота пульса — 62. Начинаем воздействие».

Потом — низкий гул. Инфразвук. Арсений сразу его опознал. Сердце забило быстрее.

А потом — крик. Точнее, не крик. Захлёбывающийся хрип человека, у которого сердце заходится в последней судороге.

И тишина.

И снова голос — спокойный, почти будничный:

«Фиксируем остановку. Время воздействия — четыре минуты двенадцать секунд. Эксперимент № 7 завершён. Объект ликвидирован».

Арсений перемотал запись. Прослушал снова. И ещё раз.

На третьем прослушивании он узнал голос. Это был голос его друга. Куратора.

Человека, который помог ему открыть «Лабиринт».

Человека, который три дня назад попросил: «Слушай, ты же звукарь. Можешь оцифровать одну старую кассету? Только никому не говори. Это врачебная тайна».

Арсений тогда согласился. А теперь понял: Куратор не просто просил оцифровать запись. Он просил создать новую. С тем же инфразвуком. Но уже для другой жертвы.

Для самого Арсения.

Потому что, оцифровывая кассету, он неизбежно слушал запись. Снова и снова. Калибровал частоту под свой собственный пульс. И каждая версия — от первой до седьмой — медленно убивала его.

Он был не звукорежиссёром. Он был подопытным.

И теперь, сидя перед монитором, Арсений сделал единственное, что мог: он сохранил «Версию 6» — ту, где ещё остался намёк на разгадку. А потом записал «Версию 7» — с голосом, с мольбой, с метрономом. И оставил пластинку на проигрывателе.

Чтобы тот, кто придёт после него, услышал.

«Если вы это слушаете... значит, я уже...»

— --

Глава 6. Куратор

Вечер. Частная клиника на Васильевском острове. 19:00.

Табличка на двери гласила: «М. А. Штерн, психотерапевт, невролог». Алиса вошла без стука.

За столом сидел мужчина лет сорока пяти. Тонкие черты лица, очки в тонкой оправе, белый халат, накрахмаленный до скрипа. Пальцы сложены домиком. На губах — лёгкая улыбка. Спокойная. Доброжелательная.

— Я ждал вас раньше, — сказал он.

— Вы знаете, зачем я здесь, — Алиса села напротив.

— Догадываюсь. Арсений. Пластинка. И, полагаю, вы раскопали про госпиталь.

— Вы проводили эксперименты с инфразвуком на людях.

Штерн снял очки и начал протирать их платком. Движения были плавными, почти гипнотическими.

— Не на людях. На объектах. Это были безнадёжные пациенты. Кому-то из них оставалось жить пару недель. Я просто... ускорил процесс. Заодно получил ценные данные.

— А Волохов? Он не был безнадёжным пациентом.

Штерн вздохнул.

— Арсений нашёл кассету случайно. Я не хотел его смерти. Я просто попросил оцифровать запись. Он стал слушать. Раз за разом. Я говорил ему: «Брось, это вредно». Но он был одержим. Искал частоту, которая убивает. Нашёл. Настроил под себя. И она убила его. — Штерн наконец поднял глаза. В них не было ни раскаяния, ни страха. Только холодный интерес. — Человеческое любопытство — лучший убийца, вы не находите?

Алиса молчала. Она знала: с юридической точки зрения Штерн почти неуязвим. Он не нажимал на курок, не сыпал яд в бокал. Он просто дал жертве оружие убийства. И ждал.

— Зачем вам это сейчас? — спросила она. — Зачем нужна была новая жертва?

Штерн улыбнулся шире.

— Седьмой эксперимент. Семь — магическое число. И самое главное: я хотел проверить, можно ли убить звуком на носителе. Не в лаборатории, а в реальной жизни. Арсений сам собрал аппаратуру. Сам настроил частоту. Сам убил себя. Я просто сидел и смотрел. Вернее — слушал.

Он достал из ящика стола небольшой диктофон и нажал кнопку. Из динамика полился метроном. Тот самый.

— Я пришёл в клуб за час до его смерти. Забрал оригинал кассеты. А пластинку оставил. Как улику. Как признание. Как произведение искусства.

Алиса медленно встала.

— Вы арестованы, Михаил Аронович.

— За что? — Штерн поднял брови. — За то, что я слушал музыку?

— За «Эксперимент № 7». И за шесть предыдущих.

Она бросила на стол распечатку — старую медицинскую карту с грифом «Секретно». Князев раскопал её в военном архиве час назад.

Штерн перестал улыбаться.

— --

Эпилог

Месяц спустя.

Алиса стояла на набережной Фонтанки и смотрела на воду. В кармане пальто лежал конверт. Внутри — фотография Лики и короткая записка от неё же:

«Вы нашли того, кто говорил внутри звука. Спасибо. Теперь я танцую без страха».

Алиса закурила. Дело закрыто. Штерн под следствием. Но что-то не давало покоя.

Она достала телефон и набрала Князева.

— Князев. Скажи мне одну вещь. Экспертиза подтвердила, что сердце Волохова остановилось за две минуты до конца трека, так?

— Так.

— Значит, он умер раньше. И последние две минуты записи — это не его голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.